

УДК 81'366 + 81'367 (075.8)
ББК 81.2-2 я 73

С.С. Петина

**КОММУНИКАТИВНО-
ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ
И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ ОППОЗИЦИОННОГО
ЗАМЕЩЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ**

Проводится сопоставление феномена оппозиционного замещения в морфологии и синтаксисе. Автор рассматривает два вида оппозиционного замещения, реализуемых в сфере синтаксиса: прагматическую многозначность (нейтрализацию) и функционально-семантическое транспонирование.

Ключевые слова: *оппозиционное замещение, оппозиция, парадигма, парадигматический синтаксис, коммуникативные типы предложений, речевой акт, прагматическая многозначность, прагматическое транспонирование.*

Петина Светлана Сергеевна – аспирант кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-539-99-11
E-mail: petina_svetlana@mail.ru

© Петина С.С., 2014 г.

Одной из центральных проблем коммуникативно-парадигматической лингвистики является изучение феномена оппозиционного замещения, суть которого состоит в снятии смысловых дифференциальных признаков элементов бинарной оппозиции, репрезентирующей определённую грамматическую категорию. В результате происходит стяжение бинарной оппозиции к одному члену, т.е. один из членов оппозиции выполняет функцию своего противочлена [Блох, 1973, с. 75].

Теория оппозиционного замещения активно разрабатывалась в грамматике прежде всего применительно к морфологической подсистеме, в которой оппозиции образуются различными грамматическими формами, противопоставленными или соотнесёнными по грамматическому значению. Это грамматическое значение закреплено за данным набором форм – парадигмой [Иванова и др., с. 11], т.е. оно осуществляется через парадигматическое соотнесение форм, реализуемое грамматическими противопоставлениями, или оппозициями [Блох, 2000, с. 82].

Однако парадигматические отношения существуют не только в сфере морфологии, но и в сфере синтаксиса, что было доказано учёными в рамках разработки парадигматического аспекта синтаксиса, начатой в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. В наиболее полном виде концепция парадигматического синтаксиса представлена в докторской диссертации М.Я. Блоха [Блох, 1976] и его последующих работах.

Автор диссертации доказывает, что деривационной основой парадигматического производства предложений разного функционального назначения и разной степени сложности выступает ядерное предложение. Синтаксическая деривация есть парадигматическое производство более сложных конструкционных моделей из ядерных предложений [Блох, 2000, с. 107]. Полная первичная парадигма любого предложения должна включать все формы его изменения [Там же, с. 129].

От ядерных предложений как изначально-базовых конструкционных компонентов синтаксических парадигм расходятся две фундаментальные системы синтаксической деривации. Одна связана с усложнением самой пропозитивной номинации (из ядерных предложений образуются конструкции различной степени сложности), другая, релевантная для нашего исследования, учитывает отражение разных отношений пропозитивной номинации к действительности. Эту вторую систему М.Я. Блох называет системой предикативных функций предложения [Там же, с. 107].

Среди последних особое место занимает коммуникативно-установочная функция: поскольку предложение – коммуникативная единица языка, постольку оно должно выделяться своей коммуникативной целью, т.е. целевой установкой для слушающего. Традиционная грамматика даёт нам разделение предложений языка на три коммуникативных типа: повествовательный, вопросительный и побудительный. Различные признаки данных коммуникативных типов определяются различиями актуального членения предложения, в частности, различным характером их рематических компонентов, выражающих логический предикат высказывания. Рема повествовательного предложения выражает информацию непосредственного сообщения или заявления о некотором факте, свойстве, отношении, событии. Рема побудительного предложения, в отличие от этого, выражает содержание требуемого или желаемого говорящим действия, т.е. программирует действие адресата побуждения. Рема вопросительного предложения выражает запрос информации, т.е. является в содержательном плане открытой, зияющей: она программирует ответную рему [Блох, 2000, с. 108 – 109].

В рамках синтаксической парадигмы данные предложения образуют оппозиции: повествовательное предложение – побудительное предложение, повествовательное предложение – вопросительное предложение [Там же, с. 108].

Но если парадигматические отношения со свойственными им оппозициям типичны для синтаксиса, как и для морфологии, то логично предположить, что феномен оппозиционного замещения должен существовать и в синтаксисе.

При этом мы имеем в виду, что оппозиционное замещение в морфологии представлено двумя видами. Во-первых, это нейтрализация – позиционное снятие противопоставлений элементов языковой системы [Журавлёв, с. 328], являющееся стилистически нейтральными [Блох, Данчеева, с. 58], во-вторых, транспозиция – использование одной язы-

ковой формы в функции другой – её противочлена в парадигматическом ряду [Гак, с. 518], имеющее яркую стилистическую окраску [Блох, Данчеева, с. 86].

Наше предположение о распространении оппозиционного замещения в сферу синтаксиса с учётом двух видов указанного замещения подтверждается статьями, содержащимися в Лингвистическом энциклопедическом словаре 1990 г. Так, в частности В.В. Бабайцева пишет о синкретизме – совпадении в одной форме функционально различных категорий. Данное совпадение, толчком к которому являются обычно сдвиги в соотношении формы и содержания языковых единиц, свойственны всем уровням языка. При этом одни учёные относят синкретизм к грамматической омонимии, другие – к многозначности языковой формы [Бабайцева, с. 446]. По сути речь идёт о нейтрализации оппозиционных различий, типичной для всех уровней языка, в том числе уровня предложения.

В.Г. Гак в статье о транспозиции отмечает, что в широком смысле – это перенос языковой формы, в том числе **коммуникативных типов предложения**, например, употребление вопросительного предложения в значении повествовательного [Гак, с. 519] (выделено нами. – С.П.).

Более подробное рассмотрение двух вышеупомянутых типов оппозиционного замещения в синтаксисе предполагает их анализ с позиций прагмалингвистики, так как функционально-семантические транспозиции на данном ярусе языковой системы имеют непосредственное отношение к выходу прагматического значения определённой синтаксической единицы за пределы комплекса нормативных правил, устанавливающих первичное употребление такой единицы. При этом под *прагматическими значениями* понимаются разного рода установки говорящих, исходные допущения, намерения, эмоции [Падучева, с. 221].

Центральным для прагматики – науки, изучающей прагматические значения, является понятие *речевого акта*.

Речевой акт – это конкретные речевые действия говорящего в рамках той или иной коммуникативной ситуации (запрос об информации, побуждение к действию, выражение эмоций и т.д.) [Боева, с. 29 – 30].

Основными чертами речевого акта являются намеренность (интенциональность), целеустремлённость и конвенциональность.

Согласно определению О.Г. Почепцова, *интенция* – это разновидность желания, для реализации которого будут предприняты определённые шаги. Интенция служит тем звеном, которое связывает человека и язык: «Человек – это деятель, язык – это орудие, а интенция соединяет их в речевую деятельность. Интенциональность речевого хода является условием *sine qua non* нормального общения» [Почепцов, с. 74].

В процессе реальной коммуникации именно интенция говорящего определяет выбор и комбинацию языковых средств.

Целенаправленность речевого акта предопределила его рассмотрение как трёхуровневого образования, включающего в себя *акт локуции* – использование языковых средств для совершения действия, *акт*

иллокуции – манифестация цели высказывания, а также *акт перлокуции* – эффект, достигаемый посредством произнесения высказывания.

Иллокутивный акт является важнейшим звеном в структуре речевого акта, (*иллокутивной силой*). Иллокутивный акт отражает межличностные отношения и показывает, чего хочет достичь говорящий посредством своего высказывания. Как указывают Д. Шпербер и Д. Уилсон, коммуникация может считаться успешной не в том случае, когда адресат распознаёт языковое значение высказывания, а лишь когда с его помощью он делает вывод о намерении говорящего [Sperber, Wilson, p. 23].

Признавая иллокутивную цель базисным понятием теории речевых актов, вокруг которого группируются разные способы использования языка, Дж. Серль отмечает, что к простейшим случаям выражения значения в языке относятся такие, при которых говорящий, произнося некоторое высказывание, имеет в виду ровно и буквально то, что это высказывание непосредственно обозначает [Searle]. Но подобная семантическая простота присуща далеко не всем высказываниям на естественном языке: при намёках, выпадах, иронии, метафоре и т.п. значение высказывания данного говорящего и значение соответствующего предложения существенно расходятся. В связи с этим в теории речевых актов различаются прямые и косвенные речевые акты.

Как известно, в основе категории косвенности всегда лежит некоторое противоречие. В рамках теории речевых актов это противоречие понимается как противопоставление двух различных иллокутивных сил, связанных с разными аспектами высказывания: базисной иллокуции, соотносящейся с языковой структурой, и вторичной, соответствующей коммуникативной функции высказывания. Их совпадение создаёт прямой речевой акт, при их расхождении совершается косвенный речевой акт [Searle].

Говорить о косвенном речевом акте можно тогда, когда иллокутивный акт, выводимый из формы высказывания, является отдельным видом иллокутивного акта в соответствующей классификации, отличным от того иллокутивного акта (по той же классификации), который на самом деле совершается.

Классический пример косвенного речевого акта, приведённый Дж. Серлем, звучит так: *Can you pass the salt?* По форме приведённое предложение является вопросительным; обычно целью говорящего, когда он задаёт вопрос, считается получение ответа. Однако в примере цель говорящего совсем другая – он просит собеседника совершить некое действие, а именно передать соль. В приведённом примере речевой акт просьбы совершается косвенно, посредством совершения речевого акта вопроса.

Проблема косвенных речевых актов, по мнению Дж. Серля, заключается в выяснении того, каким образом говорящий может с помощью некоторого высказывания выражать не только то, что оно непосредственно означает, но и нечто иное. Эта проблема осложняется ещё и тем, что некоторые высказывания уже стали конвенциональными средства-

ми выражения других. Объяснить это можно тем, что такого рода высказывания затрагивают условия успешности речевых актов, косвенно осущестляемых при произнесении этих предложений.

В связи с этим косвенные речевые акты можно разделить по степени идиоматизации (конвенциализации) на **конвенциональные** и **неконвенциональные** [Ширяев, с. 139]. Между этими типами нет резких границ, поскольку конвенциализация происходит не скачкообразно, а постепенно [Sadock, p. 158].

К **конвенциональным косвенным речевым актам** (прагматическим идиомам) относятся акты, имеющие форму других речевых актов, но регулярно выражающие определённое значение, не совпадающее с этой формой (т.е. это значение зафиксировано за данной формой, и расхождение между формой и содержанием носит идиоматический (устойчивый) характер).

Так, например, иллокутивной целью речевого акта вопроса, реализуемого с помощью вопросительных высказываний, обычно является запрос о получении информации. Однако с помощью этого акта могут регулярно реализовываться и другие иллокутивные цели. Например:

Why don't you pick out a few toys to take with you? (речевой акт побуждения к действию).

How do you do? So good both of you to come (речевой акт контактоустановления).

В подобных случаях, когда одна форма высказывания нормативно, в системе языка, используется для передачи нескольких прагматических значений, речь идёт, по мнению Н.Б. Боевой-Омелечко, о **прагматической многозначности** или, как было отмечено ранее, о **нейтрализации** различий между членами оппозиции, представленными различными коммуникативными типами предложений (повествовательное/ вопросительное, повествовательное/ побудительное, вопросительное/ побудительное предложения) [Боева-Омелечко, с. 52]. При прагматической многозначности предложение определённого вида не требует специальных условий употребления, и, как правило, не имеет лексико-семантических ограничений.

Конвенциональные косвенные речевые акты зачастую воспринимаются более естественно, чем соответствующие прямые речевые акты (например, вопрос, репрезентирующий просьбу).

Вместе с тем в речи часто употребляются неконвенциональные речевые акты, возникающие по живым принципам коммуникативного вывода в соответствии с правилами речевого общения, принятыми в данном обществе. В этом случае, как отмечает Н.Б. Боева-Омелечко [Боева-Омелечко, с. 52], мы имеем дело с прагматическим **транспонированием предложений**, характеризуемым в лингвистике как переход в несвойственную им сферу употребления [Иванова и др., с. 278]. Такие предложения требуют специальных условий употребления, выбор способа выражения обычно мотивирован ситуацией или контекстом. Вне

определённого контекста иллокутивная цель подобных речевых актов не может быть правильно воспринята.

Приведём примеры неконвенциональных косвенных речевых актов побуждения:

(1) - *It's hot in here.*

-*Just a moment, I'll open the window.*

(2) - *Look, the perlocator's bubbling!*

Melanie unplugged the coffee pot.

О том, что в приведённых примерах реализуются именно речевые акты побуждения, свидетельствуют ответные реплики – реакции на побуждение (1 пример) или описание невербального действия адресата (2 пример).

Как полагает Н.Б. Боева-Омелечко [Боева-Омелечко, с. 53], показателем того, что мы имеем дело с косвенными неконвенциональными речевыми актами побуждения, является либо то, что само действие, к которому побуждается собеседник, вообще не называется в реплике говорящего (или очень редко называется, но не в форме повелительного наклонения), либо эта реплика имеет иной интонационный контур, чем контур прямого речевого акта с таким же лексическим исполнением. Так, интонация вопроса *Are you still here?*, предполагающего ответы *Yes* или *No*, будет отличаться от интонации этого же высказывания, произнесённого в целях побуждения собеседника выйти.

Авторы «Теоретической грамматики современного английского языка» подчёркивают, что иногда бывает нелегко провести границу между переносным употреблением предложения, т.е. транспонированием его в категориально не свойственную ему область употребления, и прагматической многозначностью, т.е. возможностью выражения одного прагматического значения разными формами [Иванова и др., с. 280]. По мнению Н.Б. Боевой-Омелечко, признаками прагматической многозначности, отличающей её от транспонирования, являются следующие: а) относительная прозрачность (ясность) иллокутивной цели речевого акта; б) меньшая зависимость от ситуации и контекста; в) регулярность употребления определённого способа передачи какого-либо прагматического значения (например, повтора, как речевого акта экспрессива) [Боева-Омелечко, с. 53].

Кроме того, при прагматическом транспонировании изменяется, на наш взгляд, описанное ранее тема-рематическое членение, присущее коммуникативным типам предложения в системе языка. Так, например, ремы вопросов-побуждений перестают быть «зияющими» и не требуют замещения.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что механизм процесса оппозиционного замещения в морфологии и синтаксисе идентичен: в основе его лежат оппозитивные парадигматические отношения в системе языка, которые претерпевают изменения в процессе речевого функционирования. И в морфологии, и в синтаксисе имеют место два вида оппозиционного замещения: нейтрализация, при которой замена одного эле-

мента другим регулярно и воспринимается как норма, и транспозиция, являющаяся отступлением от нормы и возникающая в сфере синтаксиса спонтанно. Оппозиционное замещение как в морфологии, так и в синтаксисе – это проявление асимметричного дуализма языкового знака.

Литература

- Бадайцева В.В.* Синкретизм // Лингв. энцикл. словарь. М., 1990.
Блох М.Я. Категория оппозиционного замещения // Вопросы теории англ. яз. М., 1973.
Блох М.Я. Проблемы парадигматического синтаксиса: дис.... д-ра филол. наук. М., 1976.
Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М., 2000.
Блох М.Я., Данчеева Н.В. Стилистический аспект грамматической формы (к проблеме оппозиционного замещения) // Филол. науки. 1983. № 3.
Боева Н.Б. Краткий толковый словарь социолингвистических терминов. М., 2004
Боева-Омелечко (Боева) Н.Б. О разграничении понятий прагматической многозначности и прагматического транспонирования // Коммуникативная парадигма в гуманитар. науках: материалы XI науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2007.
Гак В.Г. Транспозиция // Лингв. энцикл. словарь М., 1990.
Журавлёв В.К. Нейтрализация // Лингв. энцикл. словарь. М., 1990.
Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.
Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и нарратива). М., 1996.
Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. Киев, 1986.
Ширяев Е.Н. Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога // Рус. яз. в науч. освещении. 2001. № 1.
Sadock J. Towards Linguistic Theory of Speech Acts. New York, 1974.
Searle J.R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge, 1969.
Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. Cambridge, 1986.

References

- Badajceva V.V.* Sinkretizm // Lingv. jencikl. slovar'. M., 1990.
Bloh M.Ja. Kategorija oppozicionnogo zameshhenija // Voprosy teorii angl. jaz. M., 1979.
Bloh M.Ja. Problemy paradigmaticeskogo sintaksisa: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1976.
Bloh M.Ja. Teoreticheskie osnovy grammatiki. M., 2000.
Bloh M.Ja., Dancheeva N.V. Stilisticheskij aspekt grammaticheskoy formy (k probleme oppozicionnogo zameshhenija) // Filol. nauki. 1983. № 3
Boeva N.B. Kratkij tolkovyj slovar' sociolingvisticheskikh terminov. M., 2004.

Boeva-Omelechko (Boeva) N.B. O razgranichenii ponjatij pragmaticheskoj mnogoznachnosti i pragmaticheskogo transponirovanija // Kommunikativnaja paradigma v gumanit. naukah: materialy XI nauch.-prakt. konf. Rostov n/D., 2007.

Gak V.G. Transpozicija // Lingv. jencikl. slovar' M., 1990.

Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pocheptsov G.G. Teoreticheskaja grammatika sovremennogo anglijskogo jazyka. M., 1981.

Paducheva E.V. Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i narrativa). M., 1996.

Pocheptsov O.G. Osnovy pragmaticheskogo opisanija predlozhenija. Kiev, 1986.

Shirjaev E.H. Semantiko-sintaksicheskaja struktura razgovornogo dialoga // Rus. jaz.v nauch. osveshhenii. 2001. № 1.

Zhuravljov V.K. Nejtralizacija // Lingv. jencikl. slovar'. M., 1990.

Sadock J. Towards Linguistic Theory of Speech Acts. New York, 1974.

Searle J.R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. Sambridge, 1969.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. Cambridge, 1986.

Petina S.S. (Rostov-on-Don, Russian Federation)

COMMUNICATIVE-PARADIGMATIC AND PRAGMALINGUISTIC ASPECT OF OPPOSITIONAL SUBSTITUTION IN SYNTAX

Key words: *oppositional substitution, opposition, paradigmatic syntax, communicative types of sentences, speech act, pragmatic polysemy, pragmatic transposition.*

The article deals with the phenomenon of oppositional substitution in morphology and syntax. The author describes two types of oppositional substitution in the sphere of syntax: pragmatic polysemy (neutralization) and functional-semantic transposition. Neutralization takes place when the grammatical form, which is used, loses its own functional meaning and acquires the meaning of its counter-member; in other words, it becomes functionally equivalent with its oppositional counter-member. This type of oppositional reduction is stylistically indifferent (neutral). Transposition takes place in cases where one member of the opposition preserves to a certain extent its original functional meaning alongside the meaning of its counterpart; the two functional meanings are actually combined. This type of oppositional reduction is stylistically marked. Oppositional substitution both in morphology, and in syntax is a manifestation of asymmetric dualism of a language sign.

Petina Svetlana Sergeevna – post-graduate student of theory and practice of the English language dpt. Southern federal university. E-mail: petina_svetlana@mail.ru